

**А. Н. Кудрявцев,
А. В. Соколов**

**В ОКОПАХ И В ПЛЕНУ: СОЛДАТСКИЙ ДНЕВНИК
ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В данной публикации представлены отрывки из дневника уроженца Вятской губернии, старшего унтер-офицера 130-го пехотного Херсонского полка Н. Д. Мурсатова, который он вел в годы Первой мировой войны. Автор повествует о том, как проходила мобилизация, военные действия ноября – начала декабря 1914 года. Особый интерес представляют описания солдатского быта начала войны и территорий современных Украины и Польши.

Ключевые слова: Первая мировая война, мобилизация, боевые действия, солдатский быт, Украина, Польша.

В 2014 году отмечался столетний юбилей начала Первой мировой войны – одного из трагических и в то же время, судьбоносных событий, как мировой так и отечественной истории. Эта война стала катализатором многих крупных явлений и процессов, во многом определила современную геополитическую картину мира. В то же время война наложила неизгладимый отпечаток на личные судьбы миллионов людей. К сожалению, в отечественной исторической памяти сохранилось значительное число лакун, забытых страниц истории войны. К сожалению, многие события, происходившие на фронтах Первой мировой войны, подвиги офицеров и нижних чинов, воинская слава и горькая трагедия наших прадедов остается для многих terra incognita.

Радует, однако, тот факт, что в последнее время профессиональные исследователи и представители общественности все больше внимания обращают на тему Первой мировой войны. Появляются новые публикации, все чаще заходит речь об установке памятников и мемориальных плит в память тех событий и их участников, президентским указом 1 августа утвержден День воинской славы в память павших на полях сражений, умерших в госпиталях и не вернувшихся из неприятельского плена российских солдат.

Одним из важных видов документов, помогающих увидеть реалии того или иного времени глазами реальных людей, почувствовать дух эпохи, являются воспоминания и дневниковые записи. В распоряжение авторов попала копия одной такой реликвии, хранящаяся в семейном архиве жителя г. Йошкар-Олы – солдатский дневник времен Первой мировой войны. Его автор – Николай Демидович Мурсатов, уроженец д. Масленской Шешургской волости Яранского уезда Вятской губернии, ныне Тужинского района Кировской области. Призванный из запаса по мобилизации осенью 1914 г., он, старший унтер-офицер запаса, подневно описывает свое пребывание в запасном пехотном батальоне в городе Вятке, путь маршевой команды до частей действительной армии, боевые действия 130-го пехотного Бессарабского полка в ноябре-начале декабря в предгорьях Карпат в ходе осады Перемышля, жизнь и быт солдат первой осени войны. В декабре Николай Демидович попадает в плен, но продолжает все так же подробно описывать все то, что происходило вокруг.

К сожалению, объем публикации не позволяет представить данный документ в полной мере, поэтому авторами было принято решение публиковать текст в нескольких частях. Стилистика текста по возможности сохранена, пунктуация и орфография отредактированы. Все даты приведены по старому стилю.

(Начало не сохранилось)

...В городе до вечера. Замечательно (*здесь и далее – в смысле «примечательно»*), что ехали на войну Сибирский полки 5-й и 6-й в папахх серых. Ночью мы отправились на машинах в город Вятку. Благополучно доехали до города 23-го в 2 часа утра, пришлось ночевать нам в холодных казармах. 23-го в восемь часов утра нас выстроили всех на площади, а в 10 часов утра командир полка разделил нас поротно по 250 человек в каждую роту строевой пехоты, на нестроевых в особую роту артиллерии и кавалерии, инженеров и пулеметчиков – всех в особые команды развели. Я был назначен в 1-ю маршевую роту.

24-го нас завели на довольствие. 25-го нам был сапог: у кого были хорошие сапоги, тех записали. 26-го было назначение по 60 человек с роты в г. Петро... И назначили тех, у кого были записаны хорошие сапоги, тем выдали деньги 7 р. (*здесь и далее – рублей*) и отправили нас тот же день 500 человек.

27-го я написал письмо на родину. 28-го стали с нами заниматься. 29-го выдали нам снаряжение и амуницию. 30-го производились занятия. 1-го – октября Покров Пресвятой Богородицы. Я ходил в церковь в Кафедральный Собор, где совершали литургию Епископ Вятский и Слободской Никандр и Епископ Павел Глазовский, и 10 священников, и три дьякона. Мне очень понравилось, пение было стройное.

2-го без перемен. 3-го тоже. Занятия производились с нами ежедневно по расписанию. Ходили на прогулку 2 раза в день и несли караульную службу; ходили в караул через день. Хлеба выдавали по 3 ф. (*здесь и далее – фунта*¹) в ежедневно и пища было достаточно. Хлеба мы лишнего раздавали по дешевой цене 10 коп. и 8 коп. за булку, потому у каждого были деньги. Покупали белый хлеб хороший по 5 коп фунт, булки французские по 4 коп., сушки по 6 коп. и 4 коп. Когда начальство разузнали, что солдаты продают хлеб, то строго запретили нам продавать хлеб. На другой же день отдали приказ, что солдаты могут лишний хлеб в казне, не надо получать, кто сколько желает, а будут выдавать деньгами за один фунт 1¼ коп. После этого мы стали получать по 2 фунта, а за третий фунт нам стали выдавать деньгами.

Жилось нам в Вятке хорошо – что угодно можно было купить дешево. 4-го я ходил в город и обошел весь город: не очень велик и не очень весел. 5-го октября нам выдавали жалованье за сентябрь: я получал 1 р. 86 к. (*здесь и далее – копеек*) и получил письмо из дому не очень радостное. Пишут мне, что жена не очень здорова и сын тоже нездоров. Я стал думать и кручиниться по ним. У меня не стало аппетита. 6-го числа я написал на родину письмо и прописал, что посылаю я вам три рубля денег на излечение. Прошу скорее как-нибудь вылечить. Послал письмо и денег с землячком, и посылку: подарок жене и сыну гостинца. Прописал, что я нахожусь жив и здоров и того вам желаю от Господа Бога д. з. (*доброго здоровья*).

¹ Фунт – мера веса. В тексте имеется в виду русский фунт, в указанный период равный 409,5 грамма.

7-го ходили мы в казенную баню. 8-го нам был смотр в казарме. С 9-го стали производить с нами усиленное занятие на плацу рассыпным строем. 10-го был смотр сапог. У кого были новые хорошие сапоги, тем выдавали денег по 7 р. 50 к. У кого вовсе не было – тем выдали казенные сапоги. Я купил сапоги новые за 6 р. 40 к. и получил за них 7 р. 50 к. 11-го был смотр белья, и записали у кого сколько пар. Я замечал, что у каждого белья было достаточно, слишком даже. И получили сколько полагается мы все за белье поровну по 3 р. 48 к., а за сапоги по 7 р. 50 к. Итого выдали 10 р. 98 к., кроме теплых вещей.

12-го без перемен. 15-го был смотр на плацу командиром батальона: ружейные приемы, а потом наступательные и так далее... 16-го я ходил в губернскую баню. Замечательно, что много привезли в г. Вятку больных и раненых, так что все казенные дома были заняты госпиталями Красного Креста. Пленных австрийцев и германцев тоже было много. Нам пока живется в Вятке хорошо. По праздникам и по воскресениям ходили в кафедральный собор, а вечером бывает духовная беседа; ходили в цирк, театр, Колизей. Каждый день покупали телеграммы и газеты. Дожидались все мира, и даже печатали в газетах про мир.

17-го выдавали нам теплые рубашки, вроде мундира. Занятия продолжались ежедневно. И так далее... 25 октября нам выдавали жалованье; я получил 4 рубля. 26-го нам был последний смотр на плацу: наступления и сторожевое охранение, и немое учение... 27-го выдавали нам [деньги] за собственные теплые вещи. Я получил за теплую шерстяную рубашку 1 р. 50 к.; за варежки и за чулки шерстяные, и за суконные портянку 1 рубль. Итого 2 р. 50 к. Шубу у меня не приняли. Некоторым выдавали за шубу по 7 р. 50 к. 28-го я получил из дому письмо и пишут мне, что находимся пока слава Богу все живы и здоровы. Я остался этим письмом очень доволен.

29-го нас назначили в поход две роты: 1-ю и 2-ю 500 человек неизвестно куда, на Петроград или на Москву, ничего не извещали нам куда повезут. И выдали нам остальное, все что полагается: снаряжение и шанцевой инструмент, и хлеб, и деньги, кто оставлял в казне. 30-го октября нас в 5 часов утра угнали две роты в церковь и была нам общая исповедь и причастие святых тайн.

31-го октября в 9 часов утра мы собрались в поход. В 10 часов выстроили нас посреди площади и был напутствующий молебен, а после молебна обошел священник с крестом и окропил святой водой. И все подходили и прикладывались к иконе Пресвятой Богородицы. Эту икону мы купили сами в г. Вятке и взяли с собой в поход. Потом мы прощались с товарищами, которые остались в запасном батальоне. В 12 часов мы отправились в поход, перекрестившись, и все кричали «Ура!» Шли мы городом до станции с песнями. В 1 час дня мы сели на машину. Отправились мы из Вятки в 6 часов вечера. В 1 час (*здесь – через*) мы уже были в г. Котельниче, стоял поезд минут 15. Я соскочил с вагона и прибежал на вокзал, нашел тут знакомых. Я послал с одним знакомым посылку домой: шубу, сапоги, гостинцы и письмо (послал с артемовским с Тимофеем Михайловичем Сопляковым и отдал ему в руки 10 рублей денег с передачей моему родителю). Из Котельнича мы приехали в Ярославль и в Москву (до Москвы – в Сергиевской Лавре нам был молебен), ехали мы все на проход до Москвы. В Москву приехали 2-го ноября и простояли полсутки.

3-го ноября я послал из Москвы письмо на родину. Затем мы ехали в города Брянск и Киев, где через Днепр ехали по мосту с освещением прожекторов

и сильной охраной. Затем мы были в местечке в Развилове¹, где было первое сражение. Жалкое положение: депо сожжено, дома разрушены. А в ночь мы прибыли в первый австрийский город Броды² – этот город полуразрушен и спален. Ехали мы дальше. По дороге я замечал оставленные следы ужасов войны. Где мертвые лошади, а где сломанные телеги, а где было сражение – земля взрыта снарядами и окопами.

В ночь с 7-го числа на 8-е мы доехали до города Львова³. Прибыли в 2 часа утра, потом повели нас по городу на квартиру. Проходили мы часа два по городу, наконец, привели нас к австрийским казармам, где была нестроевая рота австрийская. Было тут на дворе оставлено много телег. 8-го ноября я послал на родину письмо. Ходили в город – жители живут поляки, евреи, чехи, русины. Львов очень велик и отличный город: дома все каменные двух- и трехэтажные и много 4-, 5- и 6-этажных. Деревянных построек я не видел в городе. Только улицы не проходные. Ездят транспортом, и все улицы покрыты камнем. Во Львове, все в нем находится для русского человека интересным. Здесь все на памяти польской старины и много памятников. И стоят взятые в плен австрийские орудия и пулеметы.

9-го я ходил в баню в городе. Сел на транспорт и прокатился версты две, платили за баню по 15 к., а обратно пришлось идти пешком – мы с товарищами заблудились и проходили с утра и до вечера по городу. 9-го вечером часов в 9 мы пошли на станцию. Выстроили нас перед вокзалом и продержали часа полтора на морозе. А войска на вокзале было очень много: некоторые идут на позиции, а некоторые с позиций. И рассказывают, как идет бой; и было тут много раненных и пленных австрийцев. Но больше всего мне показался интересным этот вокзал, потому что я нигде не видывал таких вокзалов. Снаружи вся площадь освещена разными огнями, а сам вокзал выстроен двухэтажным из дикого камня и разным цветом украшен и вырезан отлично. А внутри кругом и везде горит электричество разного цвета. Я тут увидел лестницу на верхний этаж, и ходят солдаты по лестнице. Я тоже пошел по лестнице на верхний этаж и вижу: тут тоже вокзал и сверх этажа ходит поезд в 6 путей, а сверху шести путей покрыт стеклянной крышей на железных столбах на всю линию. Но я это все не могу подробно описать, потому что я все не мог выгледеть. Вскоре протурили (*здесь – прогнали*) нас на другую станцию. Пришли мы на другую станцию, простояли мы на морозе часа полтора. А ночь была холодная, а деваться была некуда. Потом отсчитали нас по 60 человек в каждый вагон и посадили нас в вагоны. В вагоне было очень тесно, даже нельзя было повернуться. Вагоны были австрийские, они покорооче и уже наших вагонов, а печей не было в вагонах – в вагонах был холод. Поехали мы дальше.

На другой день нам выдали порцион по 55 коп., а в России мы получали по 25 коп. Купить было нечего, хотя и были деньги у каждого. Хоть с голоду помирай – хлеб не выдавали. Благодаря тому, что у австрийцев была картошка зарыта в землю

¹ Радивилово – ныне город в Ровненской области Украины. До Первой мировой войны приграничный город Российской империи на границе с Австро-Венгерской империей.

² Броды – город, ныне расположенный на северо-востоке Львовской области Украины. После третьего раздела Польши австро-венгерский пограничный город с Российской империей.

³ Львов – город, ныне областной центр Львовской области Украины. В начале Первой мировой войны в результате успешного наступления русской армии во время Галицийской битвы 3 сентября 1914 г. (ст. ст.) был взят русскими войсками.

на поле, солдаты наши добывали картошку и набирали с собой. Я не помню, на какой-то станции платили за фунт черного хлеба по 30 коп. Когда мы ехали по Галиции, то я все время интересовался их местностью. Места очень красивые: ровные дороги шоссейные и насажены садами. И много я видел: на поле валяются трупы лошадей и земля взрыта окопами и снарядами.

Доехали мы до станции Равы-Русской¹, поезд остановился минут на 30. Мы вылезали из вагонов. Замечательно, что артиллерийские выстрелы были слышны недалеко, верстах в 14-ти под Перемышлем². Стреляли залпами – как сильный гром гремел. Замечательно, что тут на станции много было забрано телег, орудий и зарядных ящиков. И много было навалено винтовок и патронов, австрийских и наших. Русских штыков было навалено несколько тысяч. Затем ехали мы дальше, замечая оставленные следы боя на поле: где австрийские телеги, где испорченные австрийские орудия.

Доехали мы до станции, где была нам высадка, а на машине нам больше не пришлось ехать. Пришлось нам идти от этой станции верст 10 пешком до города Ярославля (*здесь и далее – г. Ярослав*³). На станции замечал я, что много было сложено зарядных ящиков австрийских и наших, и много патронов собрано в кучу. И были слышны артиллерийские выстрелы.

Шли мы по шоссе – нас было более двух тысяч. По дороге, около г. Ярославля замечал я, что было тут ужасное сражение. Укрепленные верст на 5 окопы и проволочные заграждения, и волчьи ямы. Около Ярославля проходили мы через реку по понтонному мосту, а шоссейный мост был взорван австрийцами. Дошли мы до города Ярославля уже ночью. Ночлег у нас был назначен в большом трехэтажном каменном доме. Это был у них не иначе как реальное училище, потому что тут было очень много книг раскидано на полу и все комнаты были полны книгами и вещами, а на чердаке было навалено книг и бумаг так, что на поларшина⁴ на полу валялись.

Наша рота стояла на втором этаже. Тут было много разных комнат, и во всех комнатах были разные украшения, освещены были электричеством. Тут была служанка для офицеров – носила обеды и приготавливала кушанье, потому что тут постоянно ночевали наши войска. Нам пришлось тут ночевать две ночи. Хлеб мы получали только один раз по 2 фунта, остальное время без хлеба. Купить было можно на базаре. Мы покупали на свои деньги, только платили дорого. Город Ярославль полуразрушенный. Мы стояли целый день и все время были слышны орудийные выстрелы под Перемышлем на 24 версты – как сильный гром гремел.

На третий день мы пошли с утра в поход в полной выкладке 45 верст до города Лежинец – он незамечательный. Шли мы ходко по шоссе – дорога была жесткая и каменистая, у многих солдатиков заболели ноги, намозоленные. Я тоже намозолил обе ноги. Пришли мы на ночлег – нельзя было наступить, очень наломали

¹ Рава-Русская – ныне город Львовской области Украины.

² Перемышль – ныне город на юго-востоке Польши, недалеко от границы с Украиной. После третьего раздела Польши попал во владение Австро-Венгрии. До Первой мировой войны Перемышль превратился в укрепленную военную крепость.

³ Ярослав – ныне город в Польше.

⁴ Аршин – русская мера длины, в описываемый период равная 70,12 сантиметра.

ноги. Дошли мы уже ночью, часов в 10 стали кипятить кипятку. Дров не было, наломали перила и сварили чаю, ужина не было для нас. Утром был завтрак и выдали хлеба по полтора фунта на человека. Позавтракали и пошли мы в поход в город Вкешевск 21 версту. Этот город отличный. По дороге я замечал – много валяются трупы лошадей и оставлены следы боя.

Наши ночлеги были в самых лучших домах в австрийских городах. В городе Вкешевск нам пришлось ночевать в большом трехэтажном каменном доме. Этот дом был не иначе как казначейство или государственный банк – очень много было тут разных комнат и в каждой комнате комоды и шкафы с разными вырезами и украшениями, и в каждой комнате было очень много книг и векселей, и марок австрийских. На двор было вытаскано много книг и разных бумаг возов пять. Тут нам ничего не выдали: ни хлеба, ни обеда. Благодаря тому, что картошки дорогой понабирали, питались картошкой. У австрийцев в Галиции картошка на поле в земле зарыта. Солдаты набирают дорогой вещевые мешки и на ночлеге сварят и поедят.

Переночевали мы ночь, а утром пошли в поход дальше. Перешли мы верст 25 до местечка Сензишу¹. Тут нам выдали по одному фунту хлеба. И был ужин и завтрак, но хлеба мало. Ночью наши солдаты охотники ходили в поле за картошкой версты за две, и принесли много картошки. Чтобы не помереть с голоду – ночью сварили и ели, и меня накормили. Начальники нам отказали давать хлеба, и идти завтра 34 версты. Наше положение очень плохое...

Мы шли по шоссе, дорога жесткая, и шли все время на запад. У меня был с собой план театра военных действий – я шел по карте. Всю дорогу нам навстречу гнали пленных австрийцев. В этот день гнали несколько тысяч с утра и до вечера. Замечательно, это было 17 ноября, а что будет вперед – Бог знает.

18 ноября утром пошли мы в поход голодные и перешли 30 верст в город Дембицы². Дошли мы часов в 12 ночи, и был ужин для нас приготовлен, но ужинали без хлеба. 19-го числа нам есть было нечего. Мы были голодны, некоторые утром ходили на станцию, купили хлеба и собрали сухариков. Сухарей было очень много на станции, а нам не выдали ни крошки, потому что наши ротные командиры не беспокоились о нас. Мы ходили с товарищами на станцию, чтобы купить что-нибудь съестного; хлеба не могли найти нигде купить. Потом пошли на склад, где наваливали на обозы продукты на позиции. Мы тоже пособляли таскать мешки с сухарями и с крупами. Тут я собрал на полу несколько сухариков и набрал крупы на полу проса фунта два-три. Пришли со станции, сварил я каши и поел очень хорошо.

В 11 часов дня пошли мы в поход. Мы шли было на Краков³, но по слухам будто бы он взят, а потому нас повернули в другую сторону, направо к России. Мы прошли 30 верст. Рядом с одним хутором стоял резервный обоз. Я пошел к обозным, чтобы купить что-нибудь. Мне обменяли на табак, который был у меня в кисете полосьмушки⁴. Мне дали сухарей фунта полтора, да у одного солдата купил на 10 копеек. Он намерял мне один котелок – у меня стало сухарей фунта три.

¹ Сензишув-Малопольски – ныне город в Польше.

² Дембица – ныне город в Польше.

³ Краков – ныне город в Польше.

⁴ Восьмая часть чего-либо. Здесь мера веса, 1/8 фунта.

Затем пришли мы в местечко Мелец¹. Пришли уже ночью, у многих было есть нечего, кроме картошки, и то без соли. За соль дают 50 копеек за фунт, и то негде взять – вот до чего трудное положение солдата. Сего же 18 числа доносилась страшная канонада артиллерийского боя с правой стороны дороги.

19 ноября. Сегодня перешли мы местечко Щучино² в 1/2 верстах от границы. Прошли мы 30 верст, а с левой стороны дороги была слышна сильная артиллерийская стрельба. Но жизнь наша очень плоха. Хлеба нам сегодня дали по 1/4 фунта каждому. Солдаты выбиваются из сил. Так как снега нет совсем земля мерзлая. Горе тому, кто к несчастью заболает, – лошадей с нами нет, больные должны оставаться на произвол судьбы. Слабость и голод угрожают нам сильно, 1/3 часть не доходит до ночлега, спать приходится в деревнях. А на дороге, на реках мосты деревянные сожжены, а железные взорваны. Нашему походу вот уже 6 дней. Соль здесь в Галиции подешевле 6-и рублей пуд и можно купить.

20-го нам назначен поход 16 верст до местечка Олесное, и без куска хлеба. Про хлеб уже забыли. Ночлег многим пришлось спать на частных квартирах, и очень тесно, почти сидя спали. А хлеба мы совсем не получали. 21-го Введение Пресвятой Богородицы во храм. Нам была дневка в местечке Олесном, за этот день нам выдали по 1-му фунту хлеба, чай и сахар, и был ужин. С правой стороны слышна сильная артиллерийская стрельба всю ночь и весь день. Все было слышно – как страшный отдаленный гром.

22-го мы пришли в Россию в Келецкую губернию в местечко Котица. Перешли 35 верст, и по дороге мы убили дикую козу, ободрали, а мясо взяли с собой. Диких коз и зайцев в Австрии очень много. Шли мы через реку Вислу по понтонному мосту, нас застигла ночь. Дорога была очень грязная и ночь была темная. Дорога была испорчена, были канавы и ямы, я несколько раз упал в грязь. Дошли мы кое-как ночью до местечка, а квартиры для нас не было. Нам пришлось ночевать в вольной квартире: мы ночевали с товарищами у еврея (сварили козу и ели без хлеба). Он мне рассказывал, какой был бой, что все жители сидели в ямах два дня, пока шел бой. Он показал нам австрийский снаряд. Этот снаряд упал на его хату, но не взорвался. Местечко напоминает об ужасах боя и разорения: дома многие полуразрушены и сожжены. Жители голодают – фунт черного хлеба стоит 25 копеек.

23-го повели нас опять в Галицию, переправились через реку Вислу по понтонному мосту. Было назначено нам идти до ночлега верст 16. Дошли мы уже ночью, но тут коменданта не было, он переехал в другое местечко – нам тоже пришлось идти еще 8 верст. Идти ночью, и все время шел дождь. Мы все обмокли, а ночь была очень темная, даже ничего не видеть. Благодаря тому, что шли по шоссе многие солдаты выбились из сил и ночевали на дороге, но я дошел с ротой до местечка Новоржевска. Нас дошла только четвертая часть. На хлеба ничего не выдали. Ночью были голодные и мокрые до нитки. Моего взводу пришлось только 4 человека. Я взял их с собой и пошли квартиру разыскивать, а квартир не было простых, все были заняты войсками. Наконец нашли у поляка – у него было две избы. В одной уже стояли солдаты, их было человек 15. Спасибо, что они нас пустили. Мы тут же растопили печку, сварили чаю и сами хорошо обсушились,

¹ Мелец – ныне город в Польше.

² Щучин – ныне город в Польше.

а хозяин полячек все время ругал нас. Ему жалко было дров, а мы не обращали даже внимания. Утром пришли некоторые наши солдаты.

24-го нам выдали хлеба по 2 фунта, чай и сахар, и был завтрак. Позавтракали и пошли в поход обратно по той же дороге до местечка Усть-Соль 8 верст. Мы только ходили 8 верст в сторону получать хлеб и обед. 24-го прошли мы 28 верст в местечко Новоржевска в России в Келецкую губернию в другой раз уже пришли. Тут по дороге замечал я следы боя: поля изрыты окопами, снарядами и осколками; жители разорены, дома разбиты там, где было сражение. Плоха тут жизнь. Замечательно местечко Усть-Соль. Оно разбито так, что смотреть жалко – спалено и разорено. И везде следы боя, поля все изрыты снарядами и осколками. Наверное, тут легло наших братьев много. Видал тут я памятники, где были хоронены наши братья.

Затем над местечком Усть-Солью пролетал германский аэроплан и бросил бомбу, которой убило 2-х человек и 3-х лошадей. А с левой стороны на юге видны недалеко Карпатские горы, как сильные облака. Затем перешли в третий раз Вислу, нас застигла ночь – ничего не видно было. Ночь была темна, а дорога была очень грязна и ямовата. Так что солдаты падали один за другим, а идти нужно было еще до ночлега до местечка Новорадомска 5 верст, но мы выбились из сил. Мы зашли с товарищами переночевать к поляку, а тут было солдат много, пришлось нам спать сидя. Вечером и утром сварили мы чаю на плите и купили у хозяина картошки, сварили и ели, а хлеба давно у нас уже не было. Утром позавтракали и пошли мы в местечко Новорадомск, разыскали мы тут своих. Тут выдали хлеба, не знаю по сколько, но хлеб был вовсе сырой, даже нельзя было есть – я не получил. А можно было тут купить – за фунт черного хлеба платили по 10 копеек. Это было 25 ноября, в 12-й день нашего похода. В местечке Новорадомском половина колокольни разбита снарядом.

Мы пришли в местечко, где [*находился*] штаб 33-й дивизии, и чем ближе мы подходили к позициям, тем больше слышны выстрелы из орудий, как страшный гром гремел под Краковым – были мы в 20-ти верстах от Кракова. Тут нас две роты по 250 человек разбили в два полка: нас 250 человек назначили в 130-й пехотный Херсонский полк, а 250 человек в 129-й пехотный Бессарабский полк. Я был назначен в 130-й пехотный Херсонский полк – в 10-ю роту 4 взвод 2-м отделенным командиром 33-й дивизии 21-го корпуса 2-й армии.

Нам целые сутки не давали есть. Я вечером написал письмо на родину, и лег спать, и не мог уснуть. Вдруг скомандовали: «Вставай живо! Одевайсь!». Мы встали и оделись в поход. Шли мы ночью 2 батальона. Не на Краков, а повели нас в Галицию, через реку Вислу. Шли мы всю ночь голодные 33 версты. Утром мы дошли до города Бохния¹, было 26 ноября. Нам завтра один суп, без хлеба; и ужин тоже без хлеба. Город отличный – вокзал железной дороги и железный мост. Но когда голоден, то ничего не интересует. Милые солдатки другие сутки ни куска хлеба не получали и купить ничего нет. Жизнь наша очень плохая. К счастью, мы еще нашли купить у жида два хлеба ржаных фунта по три, платили по рублю за хлеб. А некоторые солдаты нашли в лавках крупчатки, пекли сами и ели. За осьмушку табаку платили по 30 копеек и 35. Спички вовсе не было

¹ Бохня – ныне город в Польше.

купить, а если где найдешь, то платили за 1 коробок 6 копеек. В Бохнии стояли мы в резерве, а передние позиции в семи верстах впереди. Днем летали над Бохнией австрийские аэропланы.

На 27-е ночью всю ночь была стрельба из орудий и пулемета, и ружейная. Как было страшно! Наутро пошли в штыки с криком «Ура!» Утром 27-го много пришло раненых в Бохнию, и много тут наших братьев уложили, особенно 42-й дивизии, и взяли в плен. А 72-я дивизия отличилась. Тут наступали на нас австрийцы и германцы: германцы шли просто колоннами – хотели прорвать наши цепи, а наши били их из пулемета, много тут их уложили, и взяли очень много в плен австрийцев, а германцев мало было в плену. Взяла в плен 72-я дивизия около 3-х тысяч. Ночью приняли в Бохнию всех пленных – вся площадь была наполнена пленными австрийцами.

27-го нам выдали хлеб по 1/2 фунта на человека, и был обед. 28-го с утра мы отправились на позиции, соединились с 21-м корпусом. 28-го неприятель сдал верст на пятнадцать. 72-я дивизия отбила германцев 1-й дивизии, которые были с австрийцами. 28-го дошли уже вечером до местечка Вышки, к Карпатским горам, где была сильная артиллерийская стрельба. По слухам – будто бы Сербия 27-го ноября взяла в плен австрийцев 19 тысяч и орудия, это говорили даже офицера. 28-го нам был один борщ и без порций. 28-го и 29-го нам хлеба не выдали, питались картошкой.

29-го мы в 4 часа утра пошли на позиции. Дорогой я передал письмо почтальону, было письмо написано на родину. Дошли мы до местечка Липицы. Тут мы остановились на привал. Неприятель нас заметил, стал стрелять из орудий, мы все присели за хатами. Сначала все давал перелет, а потом стал недолет. Выпустил снарядов тридцать подряд и Бог спас – из нас никого не ранило. Осколки падали прямо перед нами и даже в хату, где мы сидели, но Бог спас нас. Потом пошли мы занять позиции на левый фланг, к Карпатским горам. И полезли мы на гору крутую – версты две шли, все в гору. На лошадях никак нельзя было влезть. Пулеметы сначала везли на себе пулеметчики, а потом нельзя было везти – разобрали на части и понесли на себе, потому что гора крутая и на дороге лед, никак нельзя влезть. Походные кухни и обоз остался весь внизу у подошвы гор.

Наконец мы дошли [*туда*], где нужно было нам занять позиции. Командир полка остановил нас всех и призвал к себе батальонных командиров и определил им занять место по плану. Батальонные командиры призвали к себе ротных командиров и назначили им занять позиции. Нашей роте досталось занять на самом левом фланге. Мы заняли позиции на возвышенности гор у перелеска, а впереди был обстрел хороший. Нас – 4-й взвод назначил ротный командир для прикрытия пулемета, а 4-й батальон был сзади в резерве со знаменем. Потом расставили нас и приступили за работу – окопы копать. Копали мы всю ночь, потому что земля камениста – никак нельзя было копать. И все мы были голодные, выбились из сил. На утре мы уже кончили работу, выкопали окопы стоя (*здесь – в рост*) и сидели мы в окопах: не спали всю ночь и не стреляли, потому что мы не видели неприятеля и не было их тут.

Правее нашей 33-й дивизии стояла 42-я дивизия. С вечера неприятель стал стрелять из орудий по нашему правому флангу. У нас орудий не было – только пулеметы. Правее нас стреляли наши всю ночь из пулеметов и ружей, а нашей роте не пришлось стрелять. Есть страсть как хотелось – были голодны, потому что 2 дня не получали ничего. 30-го числа я ходил к халупам (были халупы впереди

наших позиций у подошвы гор), чтобы купить что-нибудь съестного. Я отдал австрийцу табаку и выпросил у него картошки. Он мне наклал полный котелок, а хлеба у них у самих не было, сами питались картошкой. У другого хозяина я выпросил капусты – он мне отдал полкотелка, я ему дал табаку. Принес я на позиции, сварили картошки и чаю и покушали с товарищем.

Под вечер 30-го перешли мы на другую позицию, правее, и выкопали окопы. Только выкопали окопы – неприятель стал стрелять из орудий. Нашу роту не заметил – давал все перелет, а потом недолет. В одно место выпустил снарядов 40, [там] где была расположена 9-я рота. Они были правее нас, в окопах сидели. Тоже давал перелет, только два снаряда попали прямо в окопы, тут несколько человек убило и ранило осколками. Во второй роте тоже убило много снарядами и ранило осколками. Всю ночь была стрельба адская на правом фланге, а у нас только была перестрелка. 42-я дивизия наступала. Австрийцы стали стрелять ночью с освещением прожекторами – так было светло, как и днем. Стреляли все время из пулеметов и [из орудий] залпами.

1-го декабря была с утра и до вечера артиллерийская стрельба. Снаряды падали кругом, но мы не показывались – сидели в окопах. Бог спас – из нашей роты никого не ранило – дали снаряды перелет и недолет. 1-го числа принесли нам хлеба и был завтрак. Ходили за супом за две версты. Принесли масла, разделили – досталось по ложке. И был ужин – ходили за супом тоже за две версты. Достать ничего нельзя было, потому что гора высокая, патроны таскали на себе, пулеметы тоже. Ночью тоже не пришлось спать – наблюдали всю ночь. Я ходил в дозоры за старшего – для осмотра впереди лежащей местности. Но все у нас было благополучно, впереди нас разведывали наши казаки. А на правом фланге была стрельба всю ночь с освещением прожекторов.

2-го декабря чуть свет началась артиллерийская орудийная стрельба. Наши только стреляли из горных орудий. Полевых и мортирных орудий у нас тут не было, потому что нельзя было никак попасть [сюда] – горы очень высокие. Нам воевать было тут плохо: полевых и мортирных орудий тут не было, патронов было мало у нас, доставать было далеко. С утра стали наступать немцы и австрийцы. На нас шли они просто колоннами. Мы стали стрелять из окопов, наши пулеметы работали здорово – немало уложили мы тут немцев и австрийцев, но все таки нам пришлось отступить. Если бы мы не отступили от этих гор, то всех бы нас могли взять в плен, потому что обошли они наш левый фланг, их было тут тоже немало.

Под вечер мы стали отступать и принимать влево, потому что стали они обходить наш левый фланг. Мы стали перебегать поодиночке и принимать влево, они стали стрелять по нам – пули свистели над головами. Они стреляли высоко благодаря тому, что в этих горах был невысокий лес – они прицел брали высоко, поэтому у них пули перелетали высоко. Я рассчитываю (здесь – полагаю), у нас убитых и раненых было меньше, чем у них. Но меня Бог спас от пули, а пули свистели над ухом.

Мы перебегали и принимали влево и окапывались лежа, они все время наступали на нас, стреляли. К концу дня подошли близко. Сначала мы стали стрелять на постоянный прицел, было уже темно. Они подошли на сто шагов и перебежали влево. Они были под горой, а мы стреляли с горы. Мы бы тут уложили их много, но мешали стрелять деревья и темно стало. Потом пришел нам приказ, чтобы как можно скорее убраться, отступить, потому что нас уже они обошли.

Мы стали отступать бегом назад лесом. Дорога была узкая и грязная, и было темно – ничего не видно. Мы стали спускаться с гор. На этих хребтах Карпатских гор во многих местах есть болота – даже нельзя пройти. Много коней погибло, даже по дороге, завязнув без возможности [их] вытащить – так и оставлены. Мы стали отступать, время было часов восемь вечера. Из нашего полка осталась 16-я рота для перестрелки. Когда мы отступали, 16-я рота стреляла так, что не заметил [нас] неприятель. Из других полков тоже стреляли.

Когда спустились с гор и вышли из леса, то нас повели прямо полем. Место было неровное и попадались нам речки. Берега были крутые, и все мы это трудное препятствие прошли, а позади нас было видно, как неприятель освещал прожекторами. Было светло, как днем, а нас уже там не было. Пробыли бы мы на этой позиции каких-нибудь еще часа полутора, то могли бы нас всех взять в плен. Благодаря корпусному командиру, [тому] что он не прозевал [этого не случилось].

Повели нас прямо полем, а потом пришлось нам идти лесом. Вышли мы на дорогу. Дорога была очень грязная – шли мы по колено в грязи. Очень было идти трудно и ничего не видно. Я бы готов был помереть тут на месте, но смерти не было. Много у нас на этой дороге пропало солдат – завязали и падали в грязь. Земля тут клеиста – если постоять немного на месте, то не добыть ноги и нужно падать в грязь. Тут я сам видел у двух солдат пораненные глаза штыками по неосторожности. Они плакали и остались тут в лесу. Шли ходко – привалов не было. А войска было много. Я отстал от своих рот. Когда мы вышли из леса, то, немного пройдя, вышли мы на шоссе на дорогу. Тут я стал бежать вперед и настиг свою роту. Шли мы до утра, прошли верст 30 и остановились в одном местечке биваком. Простояли мы до ночи, пообедали, почайничали и отдохнули, и весь корпусный обоз с нами ехал. Тут стали нас проверять повзводно. Из нашей роты не стало 40 человек: убитых и раненых у нас было мало, остальные остались измученные в лесу и некоторых взяли в плен. Из нашего полка убыло людей 300 человек, из 16-й роты осталось только 20 человек. После того было слышно, что [те] которые остались в лесу, были взяты в плен.

В ночь на 3-е число пошли мы на восток – отступали. Прошли мы местечком Боичи. Это местечко замечательно, красиво и на прекрасном месте, не разрушено. Шли мы дальше, стало рассветать. Перешли мы через реку Дунаец по понтонному мосту, а шоссе на деревянный мост был взорван австрийцами. Потом остановились на небольшой привал, отдохнули мы минут 10 и пошли. Наша дивизия пошла вправо на полдень, а остальные войска шли прямо и весь обоз. Она шли на город Тарнов¹.

Позади нас остался большой и прекрасный город Тарнов, а мы пошли к югу – к Карпатским горам. Вечером мы дошли до местечка, остановились биваком в семи верстах от позиций. Неприятельская артиллерия стреляла все время, наша артиллерия тоже стреляла все время, а мы находились в резерве: всю ночь не спали, были в готовности наступать. Но наступать нам не пришлось. Тут был нам ужин без хлеба. Артельщик купил тут же у австрийца кабана за 40 рублей – зарезали, обделали и сварили ужин и завтрак. Наелись мы тут без хлеба хорошо – картошки

¹ Тарнов или Тарнув – ныне город в Польше.

было тут в погребках – сколько хочешь. Хаты были простые, а хозяев не было ни одной души. Наверное, в этих хатах жили жида [и], они скрылись в дали.

На утро 4-го числа мы пошли на другую позицию. Было еще темно, шли мы по шоссе, а потом повернули нас направо к Карпатским горам. С утра шел дождь, мы все обмокли. Обоз ехал с нами, шли мы в гору, а подыматься было круто. Шли мы по малой дороге, дорога была очень грязная – кони останавливались, не могли подыматься в гору. Обоз остался весь в лесу у подошвы горы. Шли мы по высоким горам с лесом. Идти было трудно, солдаты валились. И шли [так] до позиций. Заняли мы позиции на горе и приступили за работу – окопы копать, а дождь шел все время. Все мы обмокли и были голодны – третий день хлеба не получали. Благодаря (здесь – в смысле «Слава») Богу была картошка у жителей – питались картошкой, и то без соли. Картошку покупали за деньги. Близ наших окопов была халупа, в эту халупу мы ходили по очереди, покупали картошку и варили в халупе.

Стрельбы не было у нас, окопы выкопали стоя (здесь – в рост). Пришла ночь – натаскали мы соломы в окопы и сидели в окопах. Выслали вперед караул, и разведчиков, и секреты. Всю ночь шел небольшой дождь, все мы перемерзли. Ночь была холодная, идти некуда и огня нельзя раскладывать – вот и помянешь солдатскую жизнь какая есть она – лучше бы помереть.

Правее нас была 44 дивизия. С вечера стреляла наша артиллерия и австрийская. Неприятельские снаряды взрывались над нашими окопами, но Бог спас, из нашей роты никого не ранило, а в других ротах несколько человек ранило шрапнелью. И мы окопы углубляли и блиндажи подделывали. Наша позиция была занята на удобном месте: на горе, обстрел был хороший под гору. Но только не пришлось нам стрелять днем. Вечером, когда стало темно, ушли за ужином версты за две, принесли нам супу порцию и по 1/4 фунта сухарей. Поужинали мы. Потом принесли нам ручные бомбы и раздали всем. Дожидались мы в эту ночь атаку «в штыки». Ночь была очень холодная, не спали мы всю ночь – наблюдали, дожидались противника.

На правых и на левых флангах с вечера началась стрельба ружейная и артиллерийская. Когда артиллерия перестала стрелять, тогда началось наступление – поднялась ружейная и пулеметная стрельба. Наши стреляли из окопов, австрийцы наступали. Ночью они шли просто колоннами – хотели прорвать нашу цепь. Наши стали стрелять из пулемета, обошли их левый фланг, сошлись «в штыки» и взяли 2 тысячи в плен. А левее нас стояла 32-я дивизия – тоже было наступление.

На 4-й день – 5-го числа – нам принесли хлеба. Получили и разделили: досталось не более как по 1/4 фунта на человека, а горячей пищи не было, потому что походная кухня осталась далеко – нельзя было подвезти, потому что горы высокие, на лошадях нельзя ехать. 5-го числа с полуночи началась артиллерийская стрельба и до самого до вечера [продолжалась] непрерывно; и пулеметная. После полуночи подняли такую стрельбу, что страшно даже слушать. Стреляли частым огнем и залпами, с освещением прожекторов. На утра на правом фланге сошлись «в штыки», бросились наши с криком «Ура!» На утра и мы открыли огонь по неприятелю и отбили австрийцев. А мы дожидались «в штыки», но не пришлось.

6-го декабря, перед рассветом, началась артиллерийская стрельба. Наша артиллерия стреляла с двух сторон. На правом и на левом фланге с утра слышна

была ружейная и пулеметная стрельба. А нам с утра и до обеда нельзя было высунуть голову из окопов. Не показывались, потому что австрийцы заметили наши окопы и стали стрелять из орудий прямо над нашими окопами. Тут недалеко от наших окопов находилась хата. В этой хате находился ротный командир. Один снаряд прилетел прямо в хату и разбил, тут легко ранило ротного командира осколком.

6-го декабря хлеба нам не представили, доставить было далеко, потому что весь обоз ехал другой дорогой. Ходили мы за картошкой к австрийцам в хаты и покупали за деньги; платили мы за котелок по 15 к. и по 20 к., а хлеба покупать нигде не найдешь ни крошки – сами они питаются одной картошкой. Артиллерия стреляла все время, но все дают [то] перелет, то недолет. Когда я ходил покупать картошку, то я нашел на земле пшеницы рассыпанной. Я собрал тут полкотелка, принес и сварил в халупке и то без соли. И ели с товарищами, чтобы не помереть с голоду.

После обеда артиллерия перестала стрелять. Австрийцы начали наступать на нас, но мы отбили их. Мы стреляли из окопов частым огнем, продолжалась стрельба до вечера. Ночью на 7-е число у нас стрельбы не было, а на правом фланге наступление было на 44-ю дивизию. 44-ая дивизия подняла такую стрельбу, что даже страшно слушать; с освещением прожекторов. На утро была стрельба на левом фланге, на заре бросились «в штыки» – нам все хорошо было слышно – как они закричали «Ура!» Мы тоже не спали всю ночь – дожидались противника, но только не пришлось нам стрелять, не иначе как из-за того, что впереди нашей позиции была речка по названию Белая. Неприятель находился за речкой, мостов не было тут.

Ночи были холодные, спать никак не приходится – не заснешь. [Да] и я находился каждую ночь в наряде, когда стрельбы не бывает: то высылают дозорным за старшего, то в полевой караул, то [в] секреты, то наблюдателем. На 7-е ночью я был дежурным по роте. Всю ночь была артиллерийская стрельба. Ночью принесли нам хлеба не более как по фунту и порции (здесь и далее – в смысле «паек»).

7-го декабря стрельбы у нас не было, мы сидели в окопах. Артиллерия тоже перестала стрелять. Я ходил в хату и купил картошки 2 котелка за 20 копеек – сварили и поели. Потом принесли нам на позиции жертвы (здесь – пожертвования) из России: табак, спички, папиросы, сухарей белых, соль, иголки, нитки, конверты, бумагу, карандаши, чай, сахар, сало, портянки суконные, теплые рубахи, башлыки, пиджаки суконные и несколько пар сапог. Мы все это разделили по частям: табаку досталось по 1½ осмушки, белых сухарей по горсточке, соли по ложке, спичек по коробку, каждому по иголке. Нитки – у кого вовсе не было; сала было немного – всем не досталось, чаю досталось всем, и по 10 кусков сахара; конвертов и бумаги было довольно – кому сколько надо; карандашей тоже много было, пополам разрезанных; папирос было только три пачки – забрали двое; портянки достались не всем, теплые рубахи тоже не всем – у кого вовсе не было, только тем давали; башлыки тоже у кого вовсе не было, только тем выдали; сапоги выдали [тем], у кого вовсе плохие были. Когда все мы это получили – поблагодарили тех, кто нам пожертвовали – с радостью мы все это приняли. А для курящих – табак дороже всего, потому что у многих курящих не было вовсе табаку; находились без курения, а купить было негде. Я сам слышал от многих курящих: «Эх бы сейчас покурить табаку, и ничего бы больше не надо, и без

хлеба бы прожили». Ночи были холодные, другой раз так бы и покурил табаку, а табаку не было. Сидишь в окопе и губами шелкаешь. Я сам курящий человек – знаю по себе. Вечером получили по ломтику хлеба и принесли суп и порции, но только суп и порции были вовсе негодные – сильно пахучие – но пришлось есть с голоду.

В ночь на 8-е число нас 7 человек назначили в полевой караул. Я был караульным начальником, пост был у Белой речки. Ночь была холодная, прошло все благополучно. С неприятельской стороны, ничего не заметили и никого не пропустили кроме наших дозоров. На правом фланге была всю ночь перестрелка. А на левом фланге всю ночь был пожар. На утре 8-го числа приходил ко мне вестовой и доложил мне, что [надо] идти сейчас в роту – будем наступать. Я сию же минуту снял часового и подчаска¹ и пошли [мы] в роту.

Стали наступать всем фронтом, пришлось нам перейти через речку Белую. С вечера было приказано, чтобы в каждой роты были устроены переходы. На утре мы выступили, дошли до речки Белой – переход был еще не готов. Мы спустились под горку и легли все на землю, чтобы неприятель не заметил. Стало рассветать.; когда стали переправляться уже светло было. Неприятель нас не заметил, хотя караул их был очень близко, но они, наверное, спали. Мы по одному, нагнувшись, стали перебегать к переходу и переправляться через речку по одному бревну, держаться было не за что. Речка была шириною саженой пять, неглубока, но только очень стрежна². Наш ротный командир стоял у перехода и турил, чтобы быстро переходили. Перешли мы все благополучно, только один солдат у нас упал в воду; сам он вылез, потому что речка была не очень глубока. Когда мы переправились через речку, стали наступать бегом; вперед выслал ротный командир 5 человек разведчиков. Были впереди нас в тысяче шагах три хаты. В этих хатах был неприятельский караул. Их было 7 человек; трех австрийцев, которые были во дворе, наши забрали в плен. Наши разведчики стали искать по хатам – в одной хате было 4 австрийца. Наш разведчик туда зашел один (остальные двое зашли в другую хату, а двое повели пленных). [Tom], который заходил один – он был очень здоровый и высокий – его закололи австрийцы штыком до смерти; сами убежали. Наши разведчики вдвоем стали по ним стрелять, но не смогли убить их. В это время мы подошли туда рассыпным строем; видели как они бежали, только далеко; мы стали стрелять по ним, но они вскоре опустились под гору – не стало их видно. Мы около этих хат врассыпную лежали на земле, дожидались своих, пока они переправлялись через речку; неприятель нас не заметил. Я не знаю, какая рота переправлялась после нашей роты через речку – неприятель заметил и стал стрелять из пулемета – много тут ранило и убило наших. Говорят, целый день переправлялся только один батальон Бендерского полка, потому как открыли по ним огонь ружейный и пулеметный. наших раненых и убитых, говорят, было много.

Левее нас был 132-й Бендерский полк, а правее нас была 44-я дивизия. Когда перешел весь наш полк через речку, тогда получили приказ наступать. Рядом, правее нас, была 11-я рота – они приняли вправо и нам пришлось принять вправо.

¹ Подчасок – назначаемый для срочной смены часового в случае острой необходимости.

² Стрежь (северо-русское диалектное) – быстрое течение, стремнина.

Мы стали перебегать по одному вправо к 11-й роте – по нам неприятель стал стрелять из окопов. Неприятель был впереди нас в шагах около тысячи восьмистах. У них позиция была занята возле лесочка; тут была одна хата. Артиллерия уже давно открыла огонь – неприятельская и наша. Наши снаряды сначала давали недолет, а потом стали взрываться прямо над их окопами. Наши стреляли из мортирных орудий частым огнем; неприятельские снаряды летали через наши головы. Мы стали наступать вперед перебежками и принимать правее к 11-й роте, а левее нас я не видал никаких рот – левее нашей роты нашего полка не было, а был Бендерский полк. Они долго переправлялись через речку; связь с Бендерцами не держали. Когда мы наступали, по нам открыли сильный огонь; мы тоже стреляли. Перебежку мы производили поодиночке: перебежал несколько шагов, лег и открыл огонь частый. Мы не окапывались – пули свистели прямо над нашими ушами и падали возле нас. Тут у нас троих ранило, но меня Бог спас: пуля прилетела – прямо передо мной в каком-нибудь полуаршине в землю впилась. Затем приказали нам стрелять поодиночке, скомандовали: «Справа и слева по одному патрону по очереди». Потому как австрийцы были в окопах – не видно их было. Затем наши снаряды стали разрываться прямо в их окопах; они стали перебегать в лесочек – мы открыли по ним частый огонь. Стали мы по одному перебегать вперед – они стреляли по нам. Благодаря [Богу] у них не было тут пулемета; из пулемета, слышно было, стреляли они левее – по Бендерскому полку. Затем нам приказал ротный командир по одному перебегать вправо, принимать к 11-й роте. Мы стали перебегать по одному вправо – неприятель открыл по нам сильный огонь. Здесь я видел, когда перебежал – лежали трое раненых нашей роты: двое были наши земляки Яранские, а один – доброволец. Добровольца тяжело ранило в голову и руку, наверное, не будет жив. наших одного ранило в ногу, а другого в спину – они кричат и просят помочь. Тут прибежал один санитар и стал производить перевязку. Пули сыпались как град, а из орудий стреляли – как сильный гром гремел, земля тряслась. Мы перебежали в овражек и все легли на землю. Мы стрельбы не производили – нам нужно было еще принимать правее. Мы стали перебегать вправо по овражку; неприятелю нас не видно было – они не стреляли, только редкий огонь был с правой стороны из лесу. Наверное, тут были их разведчики. Затем мы соединились с 11-й ротой и стали перебегать вперед к лесу. Неприятель был близко – им стало хорошо видно нас. Когда перебежали мы, они открыли сильный огонь по нам – тут нашей роты, говорят, двух убило, но я не видал их. Затем мы дошли до лесочку и пошли по опушке леса, а впереди нас в лесу подняли стрельбу разведчики. Тут наши разведчики забрали 6 австрийцев в плен и повели к командиру полка. День уже клонился к вечеру. 8-го числа из нашей роты убыло 9 человек.

В ночь на 9-е число мы позиции заняли в лесу на полянке и занялись работой – окопы копать. Выкопали мы окопы «с колена»¹ и выслали связь с прочими ротами и дозорными. Левее нас окопались Бендерцы. 7-го числа нам выдали по ломтику хлеба, а 8-го числа нам весь день не пришлось поесть: хлеба и картошки нам не принесли, достать было негде – ночью были голодные. Всю ночь не спали – производили перестрелку, я был дежурным по роте. На левом фланге после полуночи

¹ Окоп для стрельбы из стрелкового оружия с колена.

открыли страшную стрельбу залпами и частым огнем; было слышно – стреляли из пулемета. На утре, слышно было, закричали: «Ура!» – пошли в штыки.

9-го числа нам было приказано наступать и принять вправо: мы приняли вправо и стали наступать. Нам, то есть нашему батальону, было приказано занять впереди лежащую местность; правее – гора. Когда мы наступали, по нам стали стрелять справа с горы, которую нам было приказано занять. Эта гора была занята неприятелем. Мы легли и стали окапываться лежа. Кто выкопал окоп «с колена», а кто «лежа»¹. Мы тут пролежали долго, не показываясь, потому что сильно стреляла неприятельская артиллерия. Наши окопы были на возвышенности горы возле леса и неприятелю не очень было видно, очевидно, потому что впереди нас была деревня. Правее нас местность была низкая: равнина, речка небольшая и луга; впереди никаких препятствий не было. Эта местность была занята 11-й и 9-й ротами, а далее местность была бугристая. Неприятель заметил и стал стрелять из орудий по этой лощине – выпустил он снарядов 40 подряд. Тут пришлось пострадать только 11-й роте. Не могу подробно описать сколько было у них раненных и убитых. 9-я и наша, 10-я, роты остались невредимы, до нас прилетали только осколки. Одним осколком прилетело прямо подпрапорщику – благодаря тому, что попало в шанцевую лопату, не смогло пробить. Артиллерия стреляла все время. В этой лощине были три хаты неподалеку. Снаряды разрывались прямо над этими хатами, и все три хаты сгорели от случившегося пожара. Тут подняли вольные (*здесь – гражданские*) жители крик, шум и рев.

Хлеба у нас у всех не было ни крошки – есть нам было нечего уже другой день. Мы тут назначили двух человек идти за хлебом и разыскать походную кухню. Когда артиллерия перестала стрелять, нам было приказано наступать. Мы стали наступать всем фронтом – неприятель отступил. День склонялся к вечеру. Мы остановились и заняли позиции, приказали окопаться. Нашей роте пришлось занять позиции в лесу; впереди нашей позиции была полянка. Когда мы окопались – назначили дозорных и связь с прочими ротами.

(Часть текста утеряна)

...Мы будем здесь. Наша рота расположилась тут на земле. Пошли мы пять человек в дозор, влево, в лес. Лес был невысокий: сосняк и березняк. Стали мы подниматься круто на бугор. Когда поднялись мы на бугор, то я разослал их влево и приказал им, чтобы они друг друга видели и не ухали, и дал условный знак свистеть, если когда [*надо*] остановиться или собраться ко мне. А я шел с правой стороны и несколько сзади их, наблюдая за ротой и не теряя [*ее*] из глаз. Тут видел я, что наша рота двинулась вперед и пошла по овражку в лесок. Мы шли несколько впереди роты, затем не стало видно нашей роты, потому что овраг был крутой. Я подал свист, чтобы собрались ко мне. Собрались и по шли ко своей роте. Пришли мы ко своей роте – они сидели на земле; и тут было только два взвода 3-й и 4-й, а первой полуроты тут не было – они остались сзади. Подпрапорщика тоже не было тут. Пришли мы, и я доложил взводному командиру о всем случившемся, и мы присели было к ним, но взводный командир нас послал в другой раз, дозорных, влево и приказал осмотреть [*местность*] впереди и слева. Мы пошли в другой

¹ Окоп для стрельбы из стрелкового оружия лежа.

раз и стали подыматься на гору. Поднялись мы на гору и прошли несколько шагов лесом; поднялась стрельба – стреляли с правой стороны: пули свистели, открыли с левой стороны огонь. С левой стороны стреляли неподалеку из пулемета. Я остановил дозорных и собрал к себе – хотели идти к своей роте. Рассуждали мы – с которой стороны находится неприятель, потому что с правой стороны, куда мы должны были идти, сказали нам, что эта гора занята неприятелем, а с левой стороны я знал, что остался неприятель. Местность влево была возвышенной, все выше и выше, поэтому с правой стороны пули летели через наши головы. С левой стороны тоже выше лес. Мы простояли каких-нибудь минуты три и хотели было идти к своей роте и вдруг видим: впереди нас по тропе идут два австрийца. Я командовал «стой», и взяли мы на изготовку, хотели стрелять, но вижу, что они передаются (*здесь – сдаются*), бросили винтовки и забормотали по своему что-то. Мы побежали к ним, стали отбирать у них патроны и вдруг слева прибежали к нам австрийцы, человек 10 и командовал один из них: «Бросай патроны!» Мы ничего не могли сделать – нас забрали самих. Нас было 5 человек, их стало 13; делать было нам нечего – пришлось сдаваться в плен...

(Продолжение следует)

**A. N. Kudryavtsev,
A. V. Sokolov**

**IN THE TRENCHES AND IN CAPTIVITY:
A SOLDIER'S DIARY OF THE FIRST WORLD WAR**

This publication presented to the First World War soldier's diary 130 Hersonskij infantry regiments sr. corporal N. D. Mursatov. The author tells the story of the mobilization, his way to the front, describes military action of november – beginning of december 1914. Particular interest are the descriptions of a soldier's life in the WWI beginning and describes territories of modern Ukraine and Poland.

Keywords: First World War, mobilization, war action, soldiers mode of life, traces of war.